21 ДЕК 1969

Провинциальная

Саратов

Предкам нашим и не снилось, что полноценные театральные впечатления можно получить за пределами Петербурга и Москвы, а теперь мы этим [illegible] не властны, принимаем как должное и, бывает, упрекаем областные и городские театры за провинциализм, не признавая за словом «провинция» никаких значений, кроме унижающего. А зря. Но почему зря, и что дала наша провинция отечественной культуре в отжитое время «медовых углов», и что дает сейчас, когда темп и стиль жизни нетелепня управляются в центре и на периферии,— это тема большого отдельного разговора. Мы же лишь отметим, что и столичному театралу не [illegible] иногда сетовать до провинциальной меньшей братии, а как самим этим «провинциалам» не кажется большим достижением, что у них «все, как в Москве». Изнутри [illegible] видней.

Отправляясь в Саратов, я знал, что это театральный город. Побывав там, я склонен повторить это расширительно. Большой волжский город — это большой театр, в котором правда жизни развертывается с наглядностью и притягательностью сценической иллюзии.

Театральны углы, каждый раз новые, иногда радушные, иногда тревожные, на поворотах с Лермонтовской к Волге. Театрален Троицкий собор (в городском обходе — «старый собор», в отличие, в духе, от того, в котором теперь планетарий; этот, кстати, еще более театрален), необычно и непривычно обнесенный двухъярусной галереей, в построенный, кстати сказать, в память избавления Саратова от чумы. Театральны многие затейливые дома конца прошлого века и начала нынешнего, в том числе уникальный по какому-то гротескному динамизму дом № 116 на Ленинском проспекте, бывшей Московской улице: на невозможной от природы двухэтажный домик из красного кирпича наложена серая фасадная стена, верх фасада резко скошен слева направо, в том же направлении по фасаду несется могучий рельефный автомобиль конструкции года этак 1910-го, его провожает и осеняет какой-нибудь бог или, быть может, муза внутреннего сгорания, а правее сидит, как бы развесив ноги и играя на кремневой свирели, сосредоточенно скульптурные амуры. Оказывается, здесь помещалось какое-нибудь предприятие по продаже машин «Рено» [illegible], и соответствующие чертежи... Есть, наконец, театральность и в новом здании Драматического театра имени Карла Маркса. Фасад, не в здании, а в том, как оно как стоит.

Вы идете к нему по Рабочей улице, и идете давно, и [illegible] зимой [illegible], и все уже вместо силуэтов домов вы видите силуэты фабричных труб (Рабочая улица — это улица рабочая), и неизвестно, сколько еще идти,— и вдруг в полном смысле слова внезапно перед вами возникает море света, бьющего из огромного стеклянного вестибюля-фойе высотой с многоэтажный дом.

Хорош театр и внутри, по контрасту с холодным бледным вестибюлем зрительный зал сделан теплым и уютным. Это одна из лучших саратовских новостроек.

В этом блестящем здании, в этом уютном зале, на этой первоклассно оборудованной сцене и смотрел комедию Э. Брагинского и Э. Рязанова «С легким паром!».

В ней рассказано и показано, как 31 декабря один хирург вместо своей московской квартиры, где должен был встречать Новый год навоем с невестой, очутился в ленинградской квартире (такой же новый район, такой же адрес, такого же типа дом и квартира, такая же стандартная обстановка и даже ключ подошел) у одной учительницы, которая должна была встречать Новый год вдвоем со своим женихом. Ну, натурально, те невеста и жених отпали, а эти хирург и учительница поняли, что созданы друг для друга.

Исходное положение придумано нашими драматургами отлично, но дальше пьеса катится как по конвейеру, а следовало бы ей катиться как по вибриму с ловушками на каждом шагу. По некоторым деталям поведения двух главных персонажей можно догадаться, что они в представлении авторов «интеллигентнее» в тонкие, чем это представляется нам по их речам и суждениям. Все в спектакле выполнено вполне профессионально (режиссер Д. Лядов), но именно этот театральный профессионализм и губит дело. Я имею в виду «отчетливые характеристики», которые актеры с привычной уверенностью дают своим персонажам. Хирург еще в Москве, он еще целуется со своей невестой, а актриса Н. Чехутина изображает ее так, что зритель уже не хочет для симпатичного Ю. Сапожка (он играет главную роль, и он один пытается прожить, хотя и комедийно, настоящую человеческую жизнь в условном новогоднем сюжете) такой жены. А жених учительницы уж в возле напыщен с первых же шагов по сцене. Так что зритель «сводит» героя и героиню раньше, чем нужно театру, да и сами они — герой и героиня — торопятся показать то, что надо таить как можно дольше.

В постановке главного режиссера В. Меньшикова я смотрел драму С. Алешина «Другая».

«Дебют» была разыграна по тому же методу «отчетливых характеристик», когда чего все было ясно и просто, так ясно и так просто, что лучше и начинать нельзя, но не оставляло места для зрительского сочувствия, размышления, даже сочувствия (хотя драма «брошенной жены» и подниматься затем моральные проблемы, безусловно, и жизни очень занимают и волнуют тех же людей, которые стоят бесстрастно следили за действием саратовского спектакля).

Прямо скажу, не повезло мне с этим театром — одним из самых известных в уважаемых в театральной России. Судя по сводной афише, у него разнообразный и хороший репертуар и, надо полагать, в других спектаклях немало и других интересных работ. Не зря на этой неделе выше так как вышло. Пользуясь случаем, сообщаю вам, что на днях театр выпускает премьеру — давно не смешную пьесу Бориса Лавренева «За тех, кто в море».

Дореволюционные справочники всегда указывали на наличие в Саратове (которой тогда называли «лучшим городом Поволжья») «городского театра» — одного. Ныне в этом помещении, капитально перестроенном, Театр оперы и балета имени Чернышевского. Туда я пошел на «Евгения Онегина». Однако не ради спектакля (это было гастрольное выступление московского Экспромта Мишенького), а ради публики. В этот вечер опера давалась для школьников двух городских районов Саратова.

Зрелище было занятное (я говорю о школьниках) и совсем не удручающее, как можно было бы предположить, слушая нынешние сетования, что дети и подростки равнодушны в «встречам с красотой», живут телевизором и пластинками легкой музыки, шумят на «Вишневом саде» и проч.: занятно было смотреть на ребят, как они по-разному, с массой оттенков, комических и трогательных подробностей входили в дивный мир оперного спектакля. Но если ребята оказались не идеальными слушателями оперы, то впечатлительными и зоркими посетителями оперного театра, не упустившими ничего из его ритуала, они были. Это был их «первый бал».

Когда те же ребята попадают в свой собственный театр — ТЮЗ имени Ленинского комсомола, этого интереса ко всему окружающему уже нет. Место привычное. Тут все внимание приковано в сцене.

Первый в Советской России бесплатный театр для детей — имени Ленина — открылся именно здесь, в Саратове, спектаклем «Синяя птица» осенью 1918 года, и Ленину была послана телеграмма об этом открытии. А нынешнему ТЮЗу — 25 лет, и его бессменно возглавляет Юрий Петрович Киселев. Театр занимает почетное место среди советских ТЮЗов, а в Саратове значения не меньше Театра имени Карла Маркса, и ему все возрасты покорны. Сейчас он первым в городе выпускает спектакль к ленинскому юбилею: «Любовь Яровую» (с подзаголовком «Политическая драма»).

Я видел, как самые маленькие зрители и их наиболее солидные сопровождающие (бабушки и дедушки; родители вели себя сдержаннее) веселились на «Репке» П. Маляревского в постановке Игоря Мушкатины.

Я видел, как зрители постарше смотрели резную, ничего не упрощающую и никого не утешающую драму ленинградской блокады — «Алексей и Ольга» И. Герасимова и И. Ционского в постановке Ю. Киселева, и поняв, как эта зрительская культура воспитывается. Когда солдат Алексей отогревает оведенелую от голода и безнадежности девушку Ольгу сначала своим вниманием, а потом своей любовью. И наконец происходит любовная сцена в нетопленой комнате, то у многих шестиклассников это должно вызывать смех, а у некоторых восьмиклассников — зажимание. А театр на это идет. И продолжает. И магнетит. И смолкает смех. И наступает тишина. И эта тишина сыграет свою роль в хаотически мыслях и чувствах этих ребят еще и через кровоки спустя. А добиться этой тишины и чистоты можно только внутренне напряженным, интенсивнее, гипнотизирующим превращением актера на сцене при внешней сдержанности, даже скованности (или скажем стыдливо: «Сорвется стонь в потаенных людских пропастях») и соответственно режиссурой, направленной на скрытую суть дела, а не на легкую игру с «характерными признаками» того или иного состояния. Чтобы это получалось хорошо, нужен талант, а чтобы это вообще получалось, нужна театральная культура, которая, стало быть, и порождает как следствие культуру зрительную.

Вот почему последний спектакль Саратовского ТЮЗа, который я видел (и последний по времени выпуска), обязан своим появлением и своим успехом не только личной талантливости таких-то его создателей, но и общему уровню культуры театра.

Это — «Недоросль» Фонвизина, городская сенсация и, смею думать, не только городская.

187 лет назад «Недоросль» был впервые показан в Санкт-Петербурге, 186 лет назад — в Москве. Белинский писал о «Недоросле» в «Бригадире», что они «наделали страшного шума при своем появлении». А какие постановки «Недоросля» наделали шума в наши дни, можете вы вспомнить? Нет? Так поезжайте в Саратов.

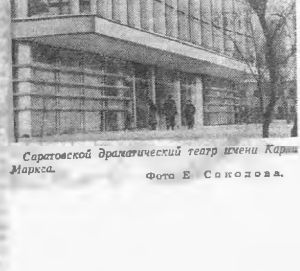
Там поставили музыкальный спектакль — с увертюрой, песнями и танцами и вопреки этому необычайной притягательностью для нынешнего зрителя все стороны комедии: и просветительную, и сатирическую, и чисто зрелищную, причем ничего не опростили ради зрелищности, а, наоборот, углубили понимание даже таких «голубых» персонажей, как Милон и Софья, а для господина Простакова нашли также и нотки сочувствия: он не только под башмаком у жены, но и стыдится своего существования. Театр называет свою постановку «комедией на музыке», можно было бы вспомнить (с поправкой историко-театральным основанием) Мольера, назвать ее «комедией-балетом», но позвольте мне, пусть в дискуссионном порядке, назвать другое слово, которое до сей поры приходилось у нас только в заграничной продукции, а если иногда так называют и отечественные сочинения, то без достаточного права «музыки». Это удивительно емкий жанр, позволяющий даже на сцене оперетточных театров передавать такие сюжеты, как «Пигмалион» Шоу (мюзикл «Моя прекрасная леди») или «Оливер Твист» Бернса, с такой полнотой реалистических характеристик, как в драматическом театре. На мой взгляд, саратовский «Недоросль», созданный в стенах театра, по-видимому, коллективными усилиями (музыка Ю. Михайлова, «сценическая редакция театра», режиссер Л. Эйдлин, дирижер В. Лацков),— это и есть первый русский мюзикл, русский не только по месту возникновения, но и по материалу, по всем художественным признакам, по очень широкому «использованию» народных мотивов. Все это, как говорится, с одной стороны. А с другой — на сцене создана «усадьба Фонвизина», как есть в нашем восприятии «усадьбы» тургеневская или чеховская. Это замечание принадлежит не мне, а моему саратовскому собеседнику — Евграфу Ивановичу Поусаду, известному нашему литературоведу, профессору и заведующему кафедрой русской литературы Саратовского университета. Замечание, проницательное по своей учености, но и как простой зритель Евграф Иванович остался доволен спектаклем, увидев в нем и молодой задор, и художественный поиск, и особенно оценив, что персонажи Фонвизина, как он выразился, «проданы в XIX век», поскольку мы видавали Фонвизина, конечно, сочувствуем, но все же современный человек нетнет да и улыбается из наивности и благонамеренности («слишком много прожито народом, государством»), а то время как художественный мир наших классиков следующей эпохи сохранился для нас во всей своей полноте. В саратовском спектакле все персонажи — не моральные уроды на одном полюсе и добродетельные резонеры на другом, а живые, не шаржированные лицо не глупо, а придумывающийся (так выходит) Митрофан, наделенный неким «отрицательным» обаянием Скотинин, лукавая, умеющая подойти к дядюшке Софья, порхающий мотылек Вральман («проданный» до грибоедовского «французина из Бордо»), мечтательнен Стародум с сундучком, где лежат его капиталы, ироничный Правдин, не очень обольщающийся властью, дарованной ему для обуздания помещичьих бесчинств,— за всеми ними следишь с интересом, а из песенки, дриэтты и ансамбля сделаны с таким тонким чувством стиля, что вроде бы они там, в Фонвизине, но и тут, с нами, с интонациями нашего повседневного музыкального быта.

Из этих моих слов вы поймете, что мне понравилась концепция спектакля. Но передать то непосредственное увлечение, ту стихию театральной радости, с которым этот «Недоросль» играется и смотрится, я не берусь. Не называю также и актеров, потому что почти все они очень хороши (опять — общая культура театра). Но умолчать об удивительной З. Спиридой в роли госпожи Простаковой невозможно, потому что это самое яркое актерское впечатление, полученное мною в Саратове.

Перед отъездом я снова пошел на Волгу — на ее многоярусную набережную. Река была окутана вечерним туманом, как будто опустился занавес и сейчас погаснут последние театральные огни: цепочка фонарей на мосту (но они не погасли). Это был настоящий конец саратовского спектакля, и я не захотел другого.

Ваш ЖИХАРЕВ.

Рисунки Н. Полянского.



Саратовский драматический театр имени Карла Маркса.

Фото Е. Сокодова.